

Упражнение 1

Упражнение «горочки»

Анна Каренина

В московском доме Облонских, где «всё смешалось» в конце зимы 1873 г., ждут сестру хозяина, Анну Аркадьевну Каренину. Причиной семейного разлада явилось то, что князь Степан Аркадьевич Облонский уличён своей женою в измене с гувернанткой. Тридцатичетырехлетний Стива Облонский искренне жалеет жену Долли, но, будучи человеком правдивым, не уверяет себя, будто раскаивается в содеянном. Жизнелюбивый, добрый и беспечный Стива давно уже не влюблён в свою жену, мать пятерых живых и двух умерших детей, и давно ей неверен.

Упражнение 2

Упражнение на грудной регистр

Чтоб овладеть грудным регистром,

Я становлюсь Аквалангистом

Сейчас начну я опускаться.

Мой голос будет отражаться

И в резонаторе грудном,

И непременно в головном.

(идет понижение)

Все ниже опускаюсь, ниже,

А дно морское ближе, ближе.

(грудной регистр)

И вот уж в царстве я подводном,

Хоть опустился глубоко,

Но голосом грудным свободным

Распоряжаюсь я легко.

Чтоб овладеть грудным регистром,

Полезно стать аквалангистом.

Упражнение 3

Упражнение на дыхание

со скалкой Я скачу,
Научиться Я хочу
Так владеть дыханием, чтобы
Звук держать оно могло бы,
Глубоко, ритмично было
И меня не подводило.
Я скачу без передышки
И не чувствую одышки.
Голос звучен, льется ровно,
И не прыгаюя словно.
Раз-два! Раз-два! Раз-два! Раз!..
Можно прыгать целый час...
Кончил прыгать, вижу я:
Речь легко звучит моя.

Упражнение 4

Упражнение на развитие
потенциала диафрагмы

Одиссея

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном
муже, который,

Странствуя долго со дня, как святой
Илион им разрушен,

Многих людей города посетил и обычаи
видел,

Много и сердцем скорбел на морях, о
спасенье заботясь

Жизни своей и возврате в отчизну
сопутников; тщетны

Были, однако, заботы, не спас он
сопутников: сами

Гибель они на себя навлекли
святотатством, безумцы,

Съевши быков Гелиоса, над нами
ходящего бога,

—День возврата у них он похитил.

Скажи же об этом

Что-нибудь нам, о Зевесова дочь,
благосклонная Муза.

Все уж другие, погибели верной
избегшие, были

Дома, избегнув и брани, и моря; его
лишь, разлукой

С милой женой и отчизной крушимого, в
гrote глубоком

Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь,
произвольной

Силой держала, напрасно желая, чтоб
был ей супругом.

Но когда наконец обращеньем времен
приведен был

Год, в который ему возвратиться
назначили боги

В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях
верных друзей он

Всё не избег от тревог), преисполнились
жалостью боги

Упражнение 5

Чтение по ролям

Мастер и Маргарита

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. «Он не иностранец! Он не иностранец! – думал он, – он престранный субъект... Но позвольте, кто же он такой?»

– Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, – вы какие предпочитаете?

– А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

– Какие предпочитаете? – повторил
неизвестный.

– Ну, «Нашу марку», – злобно ответил
Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из
кармана портсигар и предложил его
Бездомному:

– «Наша марка».

И редактора, и поэта не столько
поразило то, что нашлась в портсигаре
именно «Наша марка», сколько сам
портсигар. Он был громадных размеров,
червонного золота, и на крышке его при
открывании сверкнул синим и белым
огнем бриллиантовый треугольник.

Тут литераторы подумали разно.

Берлиоз: «Нет, иностранец!»,

а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?»

Поэт и владелец портсигара закурили, а
некурящий Берлиоз отказался.

«Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

– Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» – помыслил Берлиоз и возразил:

– Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

– Кирпич ни с того ни с сего, –
внушительно перебил неизвестный, –
никому и никогда на голову не
свалится. В частности же, уверяю вас,
вам он ни в коем случае не угрожает.
Вы умрете другой смертью.

– Может быть, вы знаете, какой именно?

– С совершенно естественной иронией
осведомился Берлиоз, вовлекаясь в
какой-то действительно нелепый
разговор, – и скажете мне?

– Охотно, – отозвался незнакомец. Он
смерил Берлиоза взглядом, как будто
собирался сшить ему костюм, сквозь
зубы пробормотал что-то вроде: «Раз,
два... Меркурий во втором доме... луна
ушла... шесть – несчастье... вечер –
семь...» – и громко и радостно объявил:

– Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а

Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? Интервенты?

– Нет, – ответил собеседник, – русская женщина, комсомолка.

– Гм... – промычал раздраженный шуточкой неизвестного Берлиоз, – ну, это, извините, маловероятно.

– Прошу и меня извинить, – ответил иностранец, – но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

– Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

– Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил иностранец.

– Это почему?

– Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.

Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание.

– Простите, – после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, – при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

– Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незванному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

– Иван!.. – тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся.

– Бывал, бывал и не раз! – Вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, – где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – Здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта.

– Я извиняюсь, – сказал он, и лицо его потемнело, – вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.

– О, с удовольствием! – Воскликнул неизвестный, – здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу.

– Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

– Ты думаешь? – встревоженно шепнул Берлиоз, а сам подумал: «А ведь он прав!»

Упражнение 6

Скороговорки с карандашом во рту

В четверг четвертого числа в четыре с
четвертью часа лигурийский
регулировщик регулировал в Лигурии,
но тридцать три корабля лавировали,
лавировали, да так и не вылавировали,
а потом протокол про протокол
протоколом запротоколировал. Как
интервьюером интервьюируемый
лигурийский регулировщик речисто, да
не чисто рапортовал, да не
дорапортовал, дорапортовывал.

Да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: не кури, турка, трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи, а то придет бомбардир из Брандесбурга, бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле. Да и Клара-кряля в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет.

А потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех – не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке. Вот и не до бомбардира вора́м было, но и не до деготниковой вдовы и не до деготниковых детей. Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова – не вместились все дрова, и два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла. Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь. Молодец против овец, а против молодца – сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везет Сенька Соньку с Санькой на санках: санки – скок, Сеньку – в бок, Соньку – в лоб, все – в сугроб.

Те, кто водят хороводы – хороводоводы.

Те, кто изучают творчество хороводоводов
–хороводоводоведы.

Те, кто любят читать хороводоводоведов –
хороводоводоведофилы.

Те, кто ненавидит хороводоводоведофилов
– хороводоводоведофилофобы.

Те, кто поедает
хороводоводоведофилофобов –
хороводоводоведофилофобофаги.

Те, кто ведет борьбу с
хороводоводоведофилофобофагами –
антихороводоводоведофилофобофаги.

Те, кто выдает себя за
антихороводоводоведофилофобофагов –
квазиантихороводоводоведофилофобофаги

!

